

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 18, Is. 3, Pp. 614–626, 2025
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94:[001.32:91(060.55)](470.56-89)»1867/1917»

Эволюция образа жителей Оренбургского края в трудах Оренбургского отделения Русского географического общества (1867–1917 гг.)
Inhabitants of Orenburg Region in Transactions of the Orenburg Branch of the Russian Geographical Society, 1867–1917: Tracing the Evolution of Images

*Сергей Валентинович Любичанковский¹,
Елена Викторовна Годовова²,
Олег Владимирович Татарников³*

*Sergey V. Lyubichankovskiy¹,
Elena V. Godovova²,
Oleg V. Tatarnikov³*

¹ Оренбургский государственный педагогический университет (д. 19, ул. Советская, 460014 Оренбург, Российская Федерация)

Orenburg State Pedagogical University (19, Sovetskaya St., 460014 Orenburg, Russian Federation)

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой

Dr. Sc. (History), Professor, Head of Department

 0000-0001-8349-1359. E-mail: [svlubich\[at\]yandex.ru](mailto:svlubich[at]yandex.ru)

² Оренбургский государственный педагогический университет (д. 19, ул. Советская, 460014 Оренбург, Российская Федерация)

Orenburg State Pedagogical University (19, Sovetskaya St., 460014 Orenburg, Russian Federation)

доктор исторических наук, доцент, профессор

Dr. Sc. (History), Professor

 0000-0001-5798-3413. E-mail: [godovova\[at\]mail.ru](mailto:godovova[at]mail.ru)

³ Оренбургский государственный педагогический университет (д. 19, ул. Советская, 460014 Оренбург, Российская Федерация)

Orenburg State Pedagogical University (19, Sovetskaya St., 460014 Orenburg, Russian Federation)

ассистент

Assistant Lecturer

 0009-0003-2636-5438. E-mail: [eugenewhite99\[at\]yandex.ru](mailto:eugenewhite99[at]yandex.ru)

© КалмНИЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Любичанковский С. В., Годовова Е. В., Татарников О. В., 2025

© Lyubichankovskiy S. V., Godovova E. V., Tatarnikov O. V., 2025

Аннотация. *Введение.* В статье исследуется эволюция образа жителей Оренбургского края в трудах Оренбургского отделения Императорского Русского географического общества в период с 1867 г. по 1917 г. *Материалы и методы.* В основу статьи положены такие исторические источники, как «Записки» и «Известия» Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. Эти серийные научные издания отражали общественную позицию и включали в себя: статьи членов общества (военных, чиновников, учителей, краеведов); отчеты об экспедициях и заседаниях; публикации архивных документов и фольклора; полемические заметки (например, критика работ Алтынсарина); карты, статистические таблицы, протоколы. Методологическую основу работы составили имагологический анализ и критическое источниковедение, примененные к публикациям Оренбургского отдела Русского географического общества. Эволюционный процесс был обусловлен комплексом политических, социальных и научно-методологических факторов. Авторы выделяют три ключевых этапа в развитии научного дискурса: классический имперский (1860–1880-е гг.), этнографический (1890-е – начало 1900-х гг.) и этап провинциализации (1905–1917 гг.). Первый этап формировался под влиянием военно-административных задач. Доминирование военно-административного подхода объяснялось задачами Российской империи по интеграции региона. Оренбургский край воспринимался как пограничная зона, требовавшая контроля, поскольку преобладали стереотипные образы казахов как «кочевников-варваров» и русских переселенцев как «агентов цивилизации». После ликвидации Оренбургского генерал-губернаторства (1881 г.) научный дискурс стал менее идеологизированным, что позволило перейти к более объективным исследованиям. Второй этап характеризуется углубленным изучением культурного разнообразия, отказом от упрощенных клише и вниманием к взаимодействию культур. Он выделяется активизацией местной интеллигенции (учителей, краеведов), которые, в отличие от чиновников, уделяли внимание культурному разнообразию и народным традициям. Рост интереса к этнографии и фольклору отражал общероссийские тенденции, включая влияние народничества. Третий этап связан с сужением исследований до узкопрактических вопросов, что привело к упрощению и фрагментации образов. Смещение фокуса на Тургайскую область в 1900–1917 гг. было вызвано столыпинской аграрной реформой и необходимостью изучения земельных конфликтов. Это сузило научную проблематику, сделав образы жителей менее выразительными. Результаты исследования демонстрируют то, как политические, социальные и методологические факторы влияли на формирование образа региона и его жителей.

Ключевые слова: Оренбургский край, Императорское Русское географическое общество, историческая имагология, научный дискурс, образ «Другого», культурное взаимодействие, провинциальная наука, имперский период, востоковедение

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Оренбургской области «Образ региона и его жителей как фактор развития: Оренбургская губерния пореформенного периода в публичных оценках правительственных и общественных кругов (1865–1917)» (№ 25-28-20063, <https://rscf.ru/project/25-28-20063/>).

Для цитирования: Любичанковский С. В., Годовова Е. В., Татарников О. В. Эволюция образа жителей Оренбургского края в трудах Оренбургского отделения Русского географического общества (1867–1917 гг.) // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 3. С. 614–626. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-79-3-614-626

Abstract. *Goals.* The article examines the evolution of the image of Orenburg region's inhabitants in works authored by members of the Orenburg Branch of the Imperial Russian Geographical Society from 1867 to 1917. *Materials and methods.* The article is based on historical sources, such as the *Zapiski* and *Izvestiya* of the Orenburg Branch of the Imperial Russian Geographical Society. The scholarly series would articulate public opinions and include as follows: articles by members of the Society (military and civil officers, teachers, local historians); reports on expeditions and meetings; publications of archival documents and folklore narratives; polemical notes (e.g., criticism of Altynsarin's works); maps, statistical tables, protocols and minutes. In terms of methodology, the work rests on tools of imagological analysis and critical source research applied to publications of the Orenburg Branch of the Russian Geographical Society. *Results.* The specified evolution was conditioned by a variety of political, social and research methodological factors. The paper distinguishes a total of three key stages in the development of that scholarly discourse: classical imperial one (1860s–1880s), ethnographic one (1890s – early 1900s), and that of provincialization (1905–1917). At the first stage,

images were formed under the influence of military-administrative tasks, which was mirrored in stereotypical descriptions of the peoples of the region. The dominance of the military-administrative approach was explained by the imperial objectives of integrating the territory. Orenburg lands were perceived as a border zone requiring control, and that would be confirmed with stereotypical images of Kazakhs as 'barbarian nomads' and Russian settlers as 'agents of civilization'. After the abolition of Orenburg Governor General's Office (1881), the scholarly discourse became less ideology-driven, which made it possible to secure more objective studies. The second stage is characterized by detailed insights into cultural diversities, rejections of simplified clichés, and increased attention to cultural interactions. These were given rise to by local intellectuals (teachers, local historians) who — by contrast with officials — did pay attention to cultural aspects and folk traditions. The growth of interest toward ethnography and folklore was mirroring the then all-Russia trends, including that of Narodism. The third stage was associated with the reduction of research to specifically practical issues, which led to somewhat simplified and fragmented images. The shift of focus to Turgai Steppe in 1900–1917 was caused by the Stolypin agrarian reforms and the need to deal with land conflicts. This narrowed the research agenda and made images of native inhabitants less expressive. The study shows how political, social and methodological factors influenced the shaping of the image ascribed to the region and its inhabitants throughout the defined period.

Keywords: Orenburg region, Imperial Russian Geographical Society, historical imagology, scientific discourse, image of the 'other', cultural interaction, provincial science, imperial period, Oriental studies

Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation and Government of Orenburg Oblast, project no. 25-28-20063 'Images of the Region and Its Inhabitants as a Development Factor: Orenburg Governorate of the Post-Reform Period in Assessments of the Government and Civic Circles, 1865–1917'. Available at: <https://rscf.ru/project/25-28-20063>.

For citation: Lyubichankovskiy S. V., Godovova E. V., Tatarnikov O. V. Inhabitants of Orenburg Region in Transactions of the Orenburg Branch of the Russian Geographical Society, 1867–1917: Tracing the Evolution of Images. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 3. Pp. 614–626. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-79-3-614-626

1. Введение

Историческая имагология и эволюция образа жителей Оренбургского края в научной печати

Проблема формирования и трансформации образов региональных сообществ в научном дискурсе представляет значительный интерес с точки зрения исторической имагологии — научного направления, изучающего закономерности создания, функционирования и эволюции образов «Другого» в культурном и историческом пространстве. Как отмечает У. Эко, «образ чужой культуры всегда является конструктором, отражающим не столько реальность, сколько систему представлений о ней» [Эко 2006: 287]. В этом контексте Оренбургский край, будучи уникальным контактным регионом на границе Европы и Азии, представляет особый исследовательский интерес, поскольку образы его жителей формировались в условиях сложного взаимодействия рус-

ской имперской науки и локальных культурных традиций.

Во второй половине XIX – начале XX в., когда Оренбургский отдел Императорского Русского географического общества (далее — ИРГО, РГО) развернул свою деятельность, научные описания жителей региона развивались в русле двух взаимосвязанных тенденций. С одной стороны, они отражали общие закономерности развития российской этнографии этого периода, для которой, по замечанию В. А. Тишкова, был характерен переход «от описательной этнографии к аналитической антропологии» [Тишков 2003: 156]. С другой — местная научная традиция вырабатывала особые подходы, обусловленные спецификой региона.

Анализ публикаций Оренбургского отдела ИРГО за 1867–1917 гг. позволяет выделить несколько ключевых этапов эволюции образа жителей края в открытой научной печати:

1) классический имперский этап (1860–1880-е гг.), когда доминировали описания, ориентированные на нужды административного управления;

2) этнографический этап (1890-е – начало 1900-х гг.), характеризующийся ростом интереса к традиционной культуре и быту народов региона. В этот период появляются работы, сочетающие научную аналитику с элементами романтизации «восточной экзотики», что особенно заметно в публикациях о казахском и финно-угорском населении;

3) этап провинциализации (1905–1917 гг.), когда образ жителей края начинает выпадать из сферы внимания сотрудников Оренбургского отдела ИРГО и становится более упрощенным и схематичным.

Особенностью оренбургской научной традиции стало то, что в отличие от центральных изданий местные публикации часто содержали более детализированные и менее идеологизированные описания. Как следует из исследования Е. А. Базылевой, оренбургские исследователи, находясь в непосредственном контакте с изучаемыми сообществами, могли корректировать стереотипы, сложившиеся в столичной науке [Базылева 2010: 100–113].

Таким образом, изучение эволюции образа жителей Оренбургского края в публикациях Оренбургского отдела ИРГО позволяет не только реконструировать историю научного освоения региона, но и проанализировать механизмы формирования имагологических конструктов в российской провинциальной науке второй половины XIX – начала XX в.

2. Материалы и методы

В основу статьи положены такие исторические источники, как «Записки» и «Известия» Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. Эти серийные научные издания отражали общественную позицию и включали в себя: статьи членов общества (военных, чиновников, учителей, краеведов); отчеты об экспедициях и заседаниях; публикации архивных документов и фольклора; полемические заметки (например, критика работ Алтынсарина); карты, статистические таблицы, про-

токолы. Особенностью источника является его неоднородность: сочетание академических исследований и утилитарных отчетов. В статье данные издания проанализированы путем имагологической деконструкции текстов: выявление ключевых образов (например, как менялись эпитеты, характеризующие народы). Использован анализ нарративных стратегий – как авторы конструируют оппозиции («цивилизация vs. варварство»). Например, в статье В. Н. Плотникова (1870) казахские обычаи описаны как «дикие», но детализированы — это позволяет выявить скрытое признание их сложности. В рамках критического источниковедения было произведено разделение текстов на факты (например, данные о численности населения), интерпретации (оценки «отсталости» народов), контекст (почему автор акцентирует именно тот, а не иной аспект проблематики).

3. Результаты исследования

3.1. Начальный период исследований (1867–1880-е гг.): формирование классического имперского дискурса в трудах Оренбургского отдела ИРГО

Создание Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества в 1867 г. стало ключевым этапом в систематизации знаний о регионе. Как отмечал оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский, главной целью было получение точных сведений о народонаселении для успешного управления краем [Речь 1868: 52]. Этот прагматический подход наложил отпечаток на формирование образов жителей Оренбургского края в научных трудах.

Военно-административный контекст исследований заключался в том, что первые публикации отдела создавались преимущественно военными и чиновниками, что отражалось на характере образов. Ключевыми топографическими и статистическими исследованиями этого периода являлись следующие:

- переиздание «Топографии Оренбургской» П. И. Рычкова (1887) с комментариями членов отдела [Рычков 1887: 406];
- исследования А. А. Тилло [Тилло 1877: 40; Тилло 1877: 42];
- Отчеты о деятельности Военно-топографического отдела Оренбургского во-

енного округа с 1868 г. по 1870 г. [Тилло 1870: 259–270; Тилло 1871а: 259–269; Тилло 1871б: 270–280].

Формирование образов жителей Оренбургского края в первые годы деятельности Оренбургского отдела РГО (1867–1880-е гг.) определялось военно-имперскими задачами Российской империи в регионе. Как отмечал оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский, исследования должны были служить устройству управления с разноплеменными жителями [Речь 1868: 46]. Это отразилось на характере публикаций в «Записках» и «Известиях» Отдела:

1) казахи («киргиз-кайсаки») в официальном дискурсе:

- Публикация В. Н. Плотникова «Заметки на статью Алтынсарина „Очерк киргизских обычаев при сватовстве и свадьбе...“» (1870) содержала детализацию хозяйственных практик, но в выводах акцентировала недостаток «цивилизационного начала» [Плотников 1870а: 122–136; Плотников 1870б: 137–150];

- В программной статье Б. Д. Даулбаева «Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области с 1830 по 1880 год» (1881) подчеркивалась их «кочевая неустроенность», а традиционное скотоводство интерпретировалось как признак отсталости. Автор настаивал на необходимости приобщения к оседлости [Даулбаев 1881: 98–117]. За эту статью Общество удостоило автора серебряной медали;

2) «инородцы-мусульмане» как обобщенная категория населения. В ряде статей, опубликованных в «Записках Оренбургского отдела ИРГО», разные народы, населявшие Оренбургский край, обобщаются как единая категория «инородцев-мусульман» [Игнатьев 1875: 183–236]. Тем самым выстраивался образ реальности «Свой – Чужой» без столь важной для научного исследования проблематики этнографической детализации, однако с принципиально важным с точки зрения имагологии критериальным аппаратом обозначения «чужого»;

3) русские переселенцы как «агенты цивилизации»:

- Напечатанная в 1875 г. записка полковника Авдеева о значении земледелия в

Оренбургском крае с учетом его трансграничности со Средней Азией представляла их деятельность как триумф земледельческой культуры над кочевым хаосом [Записка 1875а: 176–181];

- При этом сбор экспертных мнений о возможности строительства железной дороги в Среднюю Азию через Оренбургский край, организованный Отделом, фиксировал реальные проблемы проникновения русской земледельческой традиции в кочевую среду и общеимперские выгоды от преодоления этих препятствий [Протокол 1875: 116–138; Записка 1875б: 139–145].

Работы военных топографов содержали ценные этнографические наблюдения, но оформлялись в терминах «уязвимых мест» для контроля [Тилло 1870: 259–270; Тилло 1871а: 259–269; Тилло 1871б: 270–280].

Ключевые особенности дискурса этого периода заключались в следующем:

1) административная прагматика: даже такие фундаментальные научные работы, как «Топография Оренбургской губернии» Рычкова (переиздана Отделом в 1887 г.), снабжались комментариями о пользе для науки и управления [Рычков 1887: 6–7];

2) визуализация контроля: карты и схемы в публикациях выделяли военные объекты, маршруты передвижения кочевников [Карта 1870; Карта 1871; Киргизская 1881];

3) селекция данных: в отчетах подчеркивались конфликты, а случаи успешного взаимодействия культур (например, ярмарки) описывались как исключения [Бекчурин 1871: 201–225].

Этот период заложил основы для последующей трансформации образов, когда в 1880-е гг. к исследованиям подключились учителя и краеведы, менее связанные военной логикой.

Итак, для начального периода характерно:

- преобладание военных и чиновников среди авторов;
- сочетание прагматических задач с элементами научного интереса;
- формирование устойчивых образов, повлиявших на последующие исследования.

С точки зрения исторической имагологии этот период деятельности Оренбургского отдела РГО (1867–1880-е гг.) характеризовался:

1) доминированием административно-управленческого подхода;

2) формированием стереотипных образов жителей края;

3) закладкой основ для последующих более глубоких исследований.

Эти работы, несмотря на их ограниченность существующим имперским управленческим дискурсом, стали важным источником для изучения региона и эволюции научных представлений о его поликультурном населении.

3.2. Этнографический период (1880-е–начало 1900-х гг.): трансформация образов жителей Оренбургского края в трудах Оренбургского отдела РГО

С 1880-х гг., после ликвидации Оренбургского генерал-губернаторства, исследования отдела переживают качественный сдвиг: от военно-административных задач к систематическому изучению культурного разнообразия. Этот период характеризуется постепенным преодолением имперских стереотипов и формированием более комплексных образов жителей края, что отражает эволюцию научной мысли в рамках исторической имагологии.

1. От «инородцев» к носителям уникальных культур.

В трудах Оренбургского отдела РГО происходит переход от упрощенных этнографических описаний к анализу взаимовлияния культур:

- казахи («киргиз-кайсаки», «киргизы») перестают рассматриваться исключительно как «кочевники-варвары». В работах членов отдела, таких, как А. Е. Алекторов, подчеркивается их хозяйственная адаптация, правовые традиции и роль в торговле с русскими поселенцами [Алекторов 1893: 19–49; Алекторов 1894: 1–32];

- финно-угры изображаются не только через призму культурной отсталости, но и как хранители уникальных эпических традиций. Публикации в «Известиях ОО ИРГО» фиксируют их фольклор и традиции [Ерусланов 1894а: 1–86; Ерусланов 1894б: 9–19а];

- русские переселенцы предстают не только как «цивилизаторы», но и как участники культурного обмена. Например, в тру-

дах А. И. Добросмыслова отмечается их заимствование элементов кочевого скотоводства [Добросмыслов 1900: 77–124; Добросмыслов 1901: 125–272].

2. Программы изучения и их имагологический подтекст.

Оренбургский отдел РГО разрабатывает специализированные этнографические программы, направленные на:

- документирование народной памяти — записи казахских легенд о принятии русского подданства показывают попытки понять «взгляд изнутри» [Крафт 1897: 1–59; Крафт 1897: 12–18];

- анализ взаимодействия культур — в работах члена оренбургского отдела РГО А. И. Добросмыслова, которые он напечатал в «Трудах Оренбургской ученой архивной комиссии» подчеркивается двусторонний характер интеграции, а не просто «русификация» [Добросмыслов 1902: 51–63];

- критику имперских клише — некоторые авторы, например, отмечают, что образ «ленивого кочевника» не соответствует реальным практикам адаптивного скотоводства [Добросмыслов 1899: 95–103];

3. Роль гражданских исследователей.

В отличие от раннего периода, когда авторами были преимущественно военные ученые, теперь ключевую роль играют местные гражданские интеллектуалы:

- А. И. Добросмыслов, ветеринарный врач, член оренбургских научных обществ ИРГО и Оренбургской ученой архивной комиссии, в своих трудах сочетает статистические данные с этнографическими наблюдениями, избегая крайностей имперского дискурса [Добросмыслов 1900: 77–124; Добросмыслов 1901: 125–272];

- учителя и краеведы, публиковавшиеся в «Известиях ОО ИРГО», часто акцентируют гибридные культурные формы, например, смешанные русско-«инородческие» обрядовые традиции [Ерусланов 1894: 9–19; Добросмыслов 1899: 95–103].

4. Издательская политика и ее влияние на образы.

Оренбургский отдел ИРГО активно публикует материалы, которые:

- легитимируют локальные знания — переиздание трудов П. И. Рычкова сопро-

вождается комментариями, отмечающими важность исходных наблюдений Петра Ивановича [Рычков 1887: 405];

- вводят в научный оборот народные источники — публикация казахских легенд и башкирских преданий создает альтернативу официальным имперским нарративам [Ерусланов 1894: 1–8; Крафт 1897: 2–20];

- подчеркивают динамику культур — работы о трансформации кочевого быта под влиянием рынка (например, исследования торговых путей в Тургайской области) показывают жителей края как активных участников модернизации, а не пассивных объектов управления [Добросмыслов 1901: 125–272].

Таким образом, этнографический период в деятельности Оренбургского отдела РГО демонстрирует:

1) постепенный отказ от бинарных оппозиций («цивилизация vs. варварство») в пользу многослойных образов, учитывающих внутреннюю логику локальных культур;

2) рост интереса к народной исторической памяти как источнику, что отражает влияние идей народничества и ранней культурной антропологии;

3) зарождение критического подхода к имперским управленческим нарративам, особенно в работах местных исследователей, близко знакомых с реалиями края.

3.3. Провинциализация исследований и смещение имагологического фокуса (середина 1900-х – 1910-е гг.)

Начало XX в. в деятельности Оренбургского отдела Русского географического общества ознаменовалось значительным изменением направленности исследований. В отличие от предыдущих этапов, где изучались образы жителей Оренбургского края в рамках имперско-управленческого или этнографического дискурса, теперь работы отдела стали более узкими и практико-ориентированными. Основное внимание уделялось хозяйственной деятельности, преимущественно русских переселенцев, а географический фокус сместился с Оренбургской губернии на Тургайскую область — бывшую часть Оренбургского края периода существования Оренбургского генерал-губернаторства. Это

свидетельствует о провинциализации исследований, где научный интерес стал определяться локальными потребностями, а не общероссийскими или имперскими задачами.

К ключевым особенностям данного периода мы относим следующие:

1) смещение географического фокуса: от Оренбургской губернии к Тургайской области. В начале XX в. в исследованиях Оренбургского отдела Русского географического общества произошло заметное изменение географических приоритетов. Если в предыдущие периоды основное внимание уделялось Оренбургской губернии как ключевому региону имперского пограничья, то к середине 1900-х гг. научный интерес сместился в сторону Тургайской области. Это было связано в первую очередь с административно-территориальными изменениями и их отдаленными последствиями: в 1868 г. была образована Тургайская область, выделенная из состава Оренбургского генерал-губернаторства. К началу XX в. она стала важным регионом для переселенческой политики Российской империи. После ликвидации Оренбургского генерал-губернаторства (1881 г.) и упразднения военно-административного управления интерес к Оренбургской губернии как к «форпосту империи» снизился, а к новым фронтальным частям империи повысился. Ведь Тургайская область стала одним из основных направлений для столыпинской аграрной реформы (с 1906 г.). Сюда массово переселялись русские крестьяне, что вызвало потребность в изучении землепользования, конфликтов с местным населением и адаптации новых хозяйственных практик. В отличие от Оренбургской губернии, где к этому времени уже сложилась относительно стабильная этнокультурная картина, Тургайская область оставалась зоной активного взаимодействия (и противостояния) между кочевыми казахами и оседлыми переселенцами. Развитие железнодорожного строительства (Ташкентская железная дорога) и рост торговли со Средней Азией сделали Тургайскую область важным транспортным и экономическим узлом. Исследования Оренбургского отдела ИРГО стали отражать эти изменения: например, отчеты

И. А. Кастанье (1909) фиксировали последствия строительства железной дороги для местного населения [Отчет 1909: 27–99]. По этим причинам в работах начала XX в. (например, у П. А. Хворостанского, Б. Скалова) Оренбургская губерния почти не упоминается. Вместо этого детально изучаются части Тургайской области: Кустанайский уезд [Хворостанский 1912: 127–140] и Темирский уезд [Скалов 1911: 61–120], а также земельные вопросы на территории Тургайской области [Хворостанский 1911а: 139–171];

2) уход от этнокультурных тем к хозяйственным. Если в XIX в. Оренбургский отдел ИРГО публиковал этнографические описания тюркских и финно-угорских народов края, то теперь акцент делался на землеустройство (споры между переселенцами и казахами), экономику (скотоводство, торговля, влияние железных дорог) и демографию (миграции, численность населения). Например, в статье о «Чолаксайском русском поселке» (1911) П. А. Хворостанский не анализирует культуру жителей, а описывает их хозяйственную деятельность [Хворостанский 1911б: 121–130]. Причины хозяйственного крена в исследованиях определялись, главным образом, государственным заказом: столыпинская аграрная реформа (1906 г.) требовала детальных данных по землепользованию; переселенческое управление нуждалось в точной информации о свободных землях; Военное ведомство интересовалось экономическим потенциалом региона;

3) провинциализация науки. Исследования стали более локальными и прикладными, что соответствовало запросам местных властей и переселенческих управлений. Был утрачен прежний имперский масштаб: если раньше оренбургский отдел ИРГО изучал регион как «границу Европы и Азии», то теперь работы касались узких вопросов вроде «норм земельного обеспечения» или «хозяйственной адаптации» [Хворостанский 1911а: 139–171; Хворостанский 1911б: 121–130]. Работы стали менее теоретическими и более прикладными, что отражало снижение интереса к фундаментальным исследованиям в пользу локальных задач.

С точки зрения имагологии указанные изменения привели к тому, что образы жителей стали менее детализированными. Казахи, черемисы и другие народы теперь описывались не как носители уникальных культур, а как участники земельных конфликтов или объекты переселенческой политики. Исчезло противопоставление «цивилизации» и «варварства», вместо этого акцент делался на прагматике совместного хозяйствования. Наука утратила интерес к «Другому». Если в XIX в. Оренбургский отдел ИРГО стремился понять «чужую» культуру, то теперь исследования сводились к сухой статистике и отчетам.

В итоге на смену фундаментальным этнографическим и историческим работам пришли узкие, прикладные исследования, связанные с освоением степных территорий. Это изменило и образы жителей региона: они перестали быть «экзотическими Другими» и превратились в участников хозяйственных процессов, т. е. произошло упрощение и схематизация имагологической картины.

Масштабные этнографические или исторические обобщения в этот период отсутствовали. Научный дискурс утратил прежнюю глубину. Переориентация исследований на хозяйственную тематику привела к принципиальному изменению характера научных публикаций Оренбургского отдела ИРГО. Если ранее работы общества сочетали академическую глубину с практической ценностью, то в 1900–1917 гг. произошла явная деградация исследовательского уровня. На смену фундаментальным трудам пришли узкоспециальные отчеты, ценные с практической точки зрения, но бедные в научно-теоретическом плане. Очевидно упрощение методологических подходов: практически прекратилось сопоставление с другими регионами, исчезли кросс-культурные параллели, наблюдалась редукция источниковой базы (использование только текущей статистики, отсутствие архивных изысканий, игнорирование фольклорных материалов). Можно говорить о тенденции к примитивизации анализа, когда констатация фактов не сопровождается выводами. Например, в статье о местных частушках

просто приведены тексты без какого-либо их анализа [Воронцовский 1914: 127–151]. Показателями определенной изоляции стали почти полное прекращение цитирования столичных исследователей, отсутствие рецензий на местные публикации в центральных изданиях. Исчезновение больших нарративов в итоге привело к фрагментарности образов жителей края, потере связи с общероссийским контекстом и контекстом других пограничных регионов. Приоритет статистики и почти полное отсутствие «живых описаний» привели к потере культурного измерения.

В конечном итоге это обеднило как научное понимание региона, так и его образ в открытом академическом дискурсе.

4. Заключение

Исследование эволюции образа жителей Оренбургского края в трудах Оренбургского отдела Русского географического общества (1867–1917 гг.) позволило выделить три ключевых этапа, каждый из которых отражает изменения в научном дискурсе, обусловленные историческим контекстом, политическими задачами и развитием методологии. Сравнительный анализ этих этапов демонстрирует трансформацию имагологических конструктов — от стереотипных и управленческих образов до более детализированных и критических описаний, а затем до их упрощения и фрагментации.

1. Классический имперский этап (1860–1880-е гг.)

На этом этапе образы жителей Оренбургского края формировались под влиянием военно-административных задач Российской империи. Исследования носили прагматический характер и были направлены на обеспечение эффективного управления регионом.

Ключевыми чертами этого периода являлись:

- доминирование военных и чиновников среди авторов;
- акцент на описании народов через призму их полезности или угрозы для империи (например, казахи как «кочевники-варвары», русские переселенцы как «агенты цивилизации»);

- использование бинарных оппозиций («свой – чужой», «цивилизация – варварство»);

- визуализация контроля через карты и статистику, подчеркивающие уязвимые места для управления.

В итоге были заложены основы для последующих исследований, но образы оставались стереотипными и идеологизированными.

2. Этнографический этап (1890-е – начало 1900-х гг.)

Этот период характеризуется переходом от управленческого подхода к более глубокому изучению культурного разнообразия региона. Его ключевыми чертами являлись:

- постепенный отказ от упрощенных стереотипов в пользу комплексных описаний (например, казахи как носители уникальных хозяйственных и правовых традиций);

- рост интереса к народной памяти, фольклору и взаимодействию культур;

- участие гражданских исследователей (учителей, краеведов), которые вносили более детализированные и менее идеологизированные наблюдения;

- элементы критики имперских клише и внимание к гибридным культурным формам.

В итоге образы жителей края стали более многомерными, отражая их реальные практики и адаптацию к меняющимся условиям.

3. Провинциализация исследований (середина 1900-х – 1917 гг.)

На этом этапе произошло смещение фокуса с этнокультурных тем на узкопрактические вопросы, связанные с хозяйственной деятельностью и переселенческой политикой. Ключевыми чертами являлись:

- сужение и смещение географического фокуса (с Оренбургской губернии на Тургайскую область);

- уход от фундаментальных исследований к прикладным отчетам, часто лишенным теоретической глубины;

- упрощение образов: народы описывались не как носители культур, а как участники земельных конфликтов или объекты экономических процессов;

– потеря прочной связи с общероссийским и имперским контекстом.

Образы жителей стали фрагментарными и менее выразительными.

Эволюция научного дискурса отражает общие тенденции в развитии российской этнографии и исторической науки: от описательных и идеологизированных подходов к аналитическим, а затем к узкопрактическим. Изменения в образах жителей края были тесно связаны с политическими и социальными преобразованиями (ликвидация генерал-губернаторства, столыпинские реформы). Работы Оренбургского отдела ИРГО, особенно в этнографический период, демонстрируют важность провинциальной науки в корректировке стереотипов, сло-

жившихся в центре. В начале XX в. исследования потеряли прежнюю глубину, что обеднило понимание региона и его культурного разнообразия.

Изучение эволюции образов жителей Оренбургского края в публикациях Оренбургского отдела ИРГО не только раскрывает историю научного освоения региона, но и служит ярким примером того, как политические, социальные и методологические факторы влияют на формирование научных представлений о «Другом». Кроме того, эволюция образов в трудах Оренбургского отдела ИРГО отражает не только развитие научной мысли, но и изменение отношения империи к своим окраинам: от «освоения» и «изучения» до сугубо утилитарного использования.

Источники

Записка 1875а — Записка полковника Авдеева о значении земледелия в Оренбургском казачьем войске по отношению к средне-азиатской железной дороге // Записки Оренбургского отдела ИРГО. 1875. Вып. 3. С. 176–181.

Записка 1875б — Записка Статского Советника Бекчурин // Записки Оренбургского отдела ИРГО. 1875. Вып. 3. С. 139–145.

Карта 1870 — Карта административного деления Оренбургского края. 1870 год // Записки Оренбургского отдела ИРГО. 1870. Вып. 1. Прил.

Карта 1871 — Карта Внутренней Киргизской Орды // Записки Оренбургского отдела ИРГО. 1871. Вып. 2. Прил.

Киргизская 1881 — Киргизская Степь Оренбургского Ведомства // Записки Оренбургского отдела ИРГО. 1881. Вып. 4. Прил.

Отчет 1909 — Отчет И.А. Кастанье по поездке его по Сыр-Дарьинской и тургайской области вдоль Ташкентской железной дороги за 1906 и 1907 гг. // Известия ОО ИРГО. 1909. Вып. 21. С. 27–99.

Протокол 1875 — Протокол 29 марта 1874 года // Известия Оренбургского отдела ИРГО. 1875. Вып. 3. С. 116–138.

Речь 1868 — Речь, произнесенная покровителем Оренбургского Отдела, генерал-адъютантом Н.А. Крыжановским при открытии Отдела // Известия ИРГО. 1868. Т. 4 Отд. 1. С. 52.

Sources

Avdeev. On the significance of arable farming in [Orenburg] Cossack Host in relation to the Central Asian Railway: A report by Col. Avdeev. *Zapiski Orenburgskogo otdela IRGO*. 1875. No. 3. Pp. 176–181. (In Russ.)

Bekchurin M. S. Report by State Councillor Bekchurin. *Zapiski Orenburgskogo otdela IRGO*. 1875. No. 3. Pp. 139–145. (In Russ.)

Administrative divisions of Orenburg Krai in 1870: A map. *Zapiski Orenburgskogo otdela IRGO*. 1870. No. 1. Appendix. (In Russ.)

Inner Kirghiz Horde: A map. *Zapiski Orenburgskogo otdela IRGO*. 1871. No. 2. Appendix. (In Russ.)

Kirghiz Steppe of Orenburg Directorate. *Zapiski Orenburgskogo otdela IRGO*. 1881. No. 4. Appendix. (In Russ.)

Castagné J.-A. Across Syr Darya and Turgay oblasts along the Tashkent Railway in 1906 and 1907: A travel report by J.-A. Castagné. *Izvestiya Orenburgskogo otdela IRGO*. 1909. No. 21. Pp. 27–99. (In Russ.)

Protocol of 29 March 1874. *Zapiski Orenburgskogo otdela IRGO*. 1875. No. 3. Pp. 116–138. (In Russ.)

Kryzhanovsky N. A. Speech delivered by Adjutant General N. A. Kryzhanovsky at the opening of Orenburg Department. *Izvestiya IRGO*. 1868. Vol. 4. Pt. 1. P. 52. (In Russ.)

Литература

- Алекторов 1894 — *Алекторов А. Е.* Очерки Внутренней Букеевской орды (Окончание) // Известия ОО ИРГО. 1894. Вып. 3. С. 1–32.
- Алекторов 1893 — *Алекторов А. Е.* Очерки Внутренней Букеевской орды // Известия ОО ИРГО. 1893. Вып. 2. С. 19–49.
- Базылева 2010 — *Базылева Е. А.* Издательская деятельность Оренбургского отдела ИРГО // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2010. № 2 (76). С. 100–113.
- Бекчурин 1871 — *Бекчурин М. С.* Наши завоевания 1866 года в Средней Азии // Записки ОО ИРГО. 1871. Вып. 2. С. 201–225.
- Воронцовский 1914 — *Воронцовский П.* Народные частушки (историко-этнографическая заметка) // Известия ОО ИРГО. 1914. Вып. 24. С. 127–151.
- Даулбаев 1881 — *Даулбаев Б. Д.* Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области с 1830 по 1880 год // Записки Оренбургского отдела ИРГО. 1881. Вып. 4. С. 98–117.
- Добросмыслов 1899 — *Добросмыслов А.* Киргизские изделия из шерсти и волоса // Известия ОО ИРГО. 1899. Вып. 13. С. 95–103.
- Добросмыслов 1900 — *Добросмыслов А. И.* Тургайская область. Исторический очерк // Известия ОО ИРГО. 1900. Вып. 15. С. 77–124.
- Добросмыслов 1901 — *Добросмыслов А. И.* Тургайская область. Исторический очерк // Известия ОО ИРГО. 1901. Вып. 16. С. 125–272.
- Добросмыслов 1902 — *Добросмыслов А. И.* Заботы Екатерины II о просвещении киргизов // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. 1902. Вып. 9. С. 51–63.
- Ерусланов 1894а — *Ерусланов П.* Жервоприношения черемис Бирского уезда (Уфимской губернии) по случаю неурожая // Известия ОО ИРГО. 1894. Вып. 4. С. 9–19.
- Ерусланов 1894б — *Ерусланов П.* Очерк жизни и преданий восточных черемис // Известия ОО ИРГО. 1894. Вып. 4. С. 1–8.

References

- Alektorov A. E. Essays on the Inner Bukey Horde (closing part). *Izvestiya Orenburgskogo otдела IRGO*. 1894. No. 3. Pp. 1–32. (In Russ.)
- Alektorov A. E. Essays on the Inner Bukey Horde. *Izvestiya Orenburgskogo otдела IRGO*. 1893. No. 2. Pp. 19–49. (In Russ.)
- Bazyleva E. A. Russian Geographic Society Orenburg Department: Editorial activity (1876–1917). *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. 2010. No. 2 (76). Pp. 100–113. (In Russ.)
- Bekchurin M. S. Our conquests of 1866 in Central Asia. *Zapiski Orenburgskogo otдела IRGO*. 1871. No. 2. Pp. 201–225. (In Russ.)
- Vorontsovsky P. Folk chastushki: A note on historical ethnography. *Izvestiya Orenburgskogo otдела IRGO*. 1914. No. 24. Pp. 127–151. (In Russ.)
- Daulbayev B. D. Kirghizes of Nikolaevsky Uyezd (Turgay Oblast), 1830–1880: A chronicle. *Zapiski Orenburgskogo otдела IRGO*. 1881. No. 4. Pp. 98–117. (In Russ.)
- Dobrosmyslov A. I. Kirghiz products of wool and horsehair. *Izvestiya Orenburgskogo otдела IRGO*. 1899. No. 13. Pp. 95–103. (In Russ.)
- Dobrosmyslov A. I. Turgay Oblast: A historical essay. *Izvestiya Orenburgskogo otдела IRGO*. 1900. No. 15. Pp. 77–124. (In Russ.)
- Dobrosmyslov A. I. Turgay Oblast: A historical essay. *Izvestiya Orenburgskogo otдела IRGO*. 1901. No. 16. Pp. 125–272. (In Russ.)
- Dobrosmyslov A. I. Educational efforts of Catherine II among the Kirghiz. *Trudy Orenburgskoy uchenoy arkhivnoy komissii*. 1902. Vol. 9. Pp. 51–63. (In Russ.)
- Eruslanov P. Sacrifices of Cheremises inhabiting Birsky Uyezd (Ufa Governorate) in case of crop failure. *Izvestiya Orenburgskogo otдела IRGO*. 1894. No. 4. Pp. 9–19. (In Russ.)
- Eruslanov P. Eastern Cheremises: Essays on life and tales. *Izvestiya Orenburgskogo otдела IRGO*. 1894. No. 4. Pp. 1–8. (In Russ.)

- Игнатъев 1875 — *Игнатъев Р. Г.* Сказания, сказки и песни, сохранившиеся в рукописях татарской письменности и в устных пересказах у инородцев-магометан Оренбургского края // Записки ОО ИРГО. 1875. Вып. 3. С. 183–236.
- Игнатъев R. G. Mohammedans of Orenburg Krai: Legends, tales and songs in Tatar manuscripts and oral narratives. *Zapiski Orenburgskogo otdela IRGO*. 1875. No. 3. Pp. 183–236. (In Russ.)
- Крафт 1897 — *Крафт И.* Принятие киргизами русского подданства // Известия ОО ИРГО. 1897. Вып. 12. С. 1–61.
- Kraft I. Russian citizenship of Kirghizes. *Izvestiya Orenburgskogo otdela IRGO*. 1897. No. 12. Pp. 1–61. (In Russ.)
- Плотников 1870а — *Плотников В. Н.* Заметки на статью Алтынсарина «Очерк киргизских обычаев при сватовстве и свадьбе», читанную в Оренбургском Отделе Императорского Русского географического общества 23 марта 1868 года // Записки ОО ИРГО. 1870. Вып. 1. С. 122–136.
- Plotnikov V. N. Notes on the Essay on Kirghiz Matchmaking and Wedding Rites by Altynsarin delivered at Orenburg Department of Imperial Russian Geographical Society on 23 March 1868. *Zapiski Orenburgskogo otdela IRGO*. 1870. No. 1. Pp. 122–136. (In Russ.)
- Плотников 1870б — *Плотников В. Н.* Поминка (Ас). Этнографический очерк из быта зауральских киргизов // Записки ОО ИРГО. 1870. Вып. 1. С. 137–150.
- Plotnikov V. N. Commemoration rites: An ethnographic essay on everyday life of Transuralia's Kirghizes. *Zapiski Orenburgskogo otdela IRGO*. 1870. No. 1. Pp. 137–150. (In Russ.)
- Рычков 1887 — *Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии. Оренбург: Отд. Рус. геогр. о-ва, 1887. 406 с.
- Rychkov P. I. Topography of Orenburg Governorate. F. Bazilev (ed.). Orenburg: Orenburg Department of Russian Geographical Society, 1887. 406 p. (In Russ.)
- Скалов 1911 — *Скалов Б.* Естественнно-исторический и хозяйственный очерк кочевых волостей юга Темирского уезда // Известия Оренбургского отдела ИРГО. 1911. Вып. 22. С. 61–120.
- Skalov B. Nomadic volosts in the south of Temirsky Uyezd: An essay in natural history and economy. *Izvestiya Orenburgskogo otdela IRGO*. 1911. No. 22. Pp. 61–120. (In Russ.)
- Тилло 1870 — *Тилло А. А.* Отчет о действиях военно-топографического отдела Оренбургского военного округа за 1868 год // Записки Оренбургского отдела ИРГО. 1870. Вып. 1. С. 259–270.
- Tillo A. A. On activity of Orenburg Military Topography Department in 1868: A report excerpt. *Zapiski Orenburgskogo otdela IRGO*. 1870. No. 1. Pp. 259–270. (In Russ.)
- Тилло 1871а — *Тилло А. А.* Извлечение из отчета о действиях Оренбургского военно-топографического отдела за 1869 год // Записки Оренбургского отдела ИРГО. 1871. Вып. 2. С. 259–269.
- Tillo A. A. On activity of Orenburg Military Topography Department in 1869: A report excerpt. *Zapiski Orenburgskogo otdela IRGO*. 1871. No. 2. Pp. 259–269. (In Russ.)
- Тилло 1871б — *Тилло А. А.* Извлечение из отчета о действиях Оренбургского военно-топографического отдела за 1870 год // Записки Оренбургского отдела ИРГО. 1871. Вып. 2. С. 270–280.
- Tillo A. A. On activity of Orenburg Military Topography Department in 1870: A report excerpt. *Zapiski Orenburgskogo otdela IRGO*. 1871. No. 2. Pp. 270–280. (In Russ.)
- Тилло 1877 — *Тилло А.* Описание Арало-Каспийской нивелировки, произведенной в 1874 году, по поручению Императорского русского географического общества и Оренбургского его отдела. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1877. 40 с.
- Tillo A. The 1874 Aral-Caspian Leveling Survey [Held] under Instructions from the Imperial Russian Geographical Society and Its Orenburg Department. St. Petersburg: V. Bezobrazov & Co., 1877. 40 p. (In Russ.)
- Тишков 2003 — *Тишков В. А.* Реквием по этносу. М.: Наука, 2003. 544 с.
- Tishkov V. A. Requiem for Ethnos. Moscow: Nauka, 2003. 544 p. (In Russ.)

- Хворостанский 1911a — *Хворостанский П. А.* Норма земельного обеспечения киргиз 2-й Наурзумской волости Тургайского уезда и области // Известия ОО ИРГО. 1911. Вып. 22. С. 139–171.
- Хворостанский 1911б — *Хворостанский П. А.* Чолаксайский русский поселок в Тургайском уезде // Известия ОО ИРГО. 1911. Вып. 22. С. 121–130.
- Хворостанский 1912 — *Хворостанский П. А.* Переселенцы Кустанайского уезда Тургайской области // Известия ОО ИРГО. 1912. Вып. 23. С. 127–140.
- Эко 2006 — *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Петрополис, 2006. 432 с.
- Khvorostansky P. A. Kirghizes of Second Naurzumsкая Volost (Turgay Uyezd, Turgay Oblast): Land use norms. *Izvestiya Orenburgskogo otдела IRGO*. 1911. No. 22. Pp.139–171. (In Russ.)
- Khvorostansky P. A. Russian village of Cholaksay in Turgay Uyezd. *Izvestiya Orenburgskogo otдела IRGO*. 1911. No. 22. Pp. 121–130. (In Russ.)
- Khvorostansky P. A. Resettlers in Kustanay Uyezd (Turgay Oblast). *Izvestiya Orenburgskogo otдела IRGO*. 1912. No. 23. Pp. 127–140. (In Russ.)
- Eco U. The Absent Structure: An Introduction to Semiotics. St. Petersburg: Petropolis, 2006. 432 p. (In Russ.)

